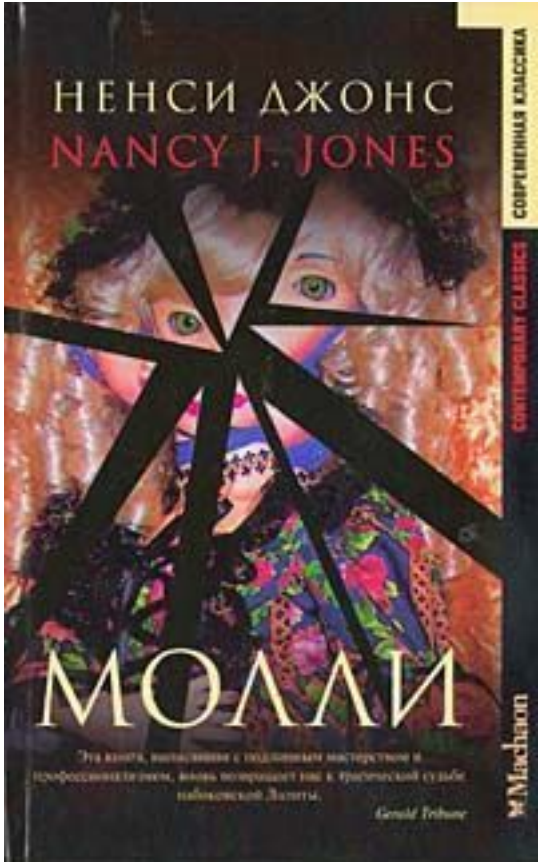
НЕНСИ ДЖОНС
NANCY J. JONES
МОЛЛИ
Эта книга, написанная с подлинным мастерством и профессионализмом, вновь возвращает нас к трагической судьбе
Herald Tribune
СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА
CONTEMPORARY CLASSICS
Machaon

Нэнси Джонс
Молли

OCR Busya
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155443
Ненси Джонс «Молли», серия «Современная классика»: Махаон; Москва; 2003

Аннотация

Нэнси Дж. Джонс преподает в Университете Северной Каролины в Вашингтоне, где она получила научную степень за исследование творчества Владимира Набокова; в июне 1997 г. в «Бюллетене биографий» вышла ее работа, посвященная роману «Лолита». Ее короткие рассказы публиковались в различных литературных журналах. «Молли» – первый роман Джонс, единодушно признанный критикой одним из самых блестящих литературных дебютов конца XX в. Автору удалось взглянуть на «Лолиту» под новым, неожиданным углом зрения, и хотя сюжетно оба этих романа очень близки (даже имена героев нарочито похожи), это два совершенно разных произведения, два различных мировосприятия.

В центре повествования судьбы двух подруг – одна из них, Молли, практически полностью повторяет путь Лолиты, а другая узнает об этом только после ее смерти, из дневников и писем. Таким образом, мы видим историю Молли отчасти в ее собственном пересказе, а отчасти – глазами подруги, жизнь

которой сложилась тихо и спокойно, быть может, даже слишком спокойно...

Содержание

От автора	5
* * *	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Нэнси ДЖОНС
Молли

Памяти моей дорогой матери Джин Оливии Джонс

От автора

На написание «Молли» меня вдохновил образ главной героини набоковской «Лолиты». Я чрезвычайно уважаю Набокова – и как писателя, и как специалиста-филолога – и потому-то надеюсь на то, что мое представление о Молли Лиддел отдает своего рода дань памяти самому Набокову и созданному им образу.

* * *

Помоги же мне, Пенеос! Открой землю, дабы она укрыла меня, или измени формы мои, которые и подвергают меня такой опасности!
(Слова Дафны, преследуемой Аполлоном, обращенные к ее отцу, богу рек)

Детскую дружбу ни с чем сравнить нельзя. Здесь всего поровну: интриг, неожиданных открытий, невинности, – и все это вместе помогает познавать друзей и окружающий мир. Правда, безопасность детской дружбы весьма иллюзорна, а чувство невинности – лишь подделка.

Моей лучшей подругой была Молли Лиддел. Когда ей исполнилось двенадцать, ее родители и оба ее брата уже умерли. Через пять лет – вскоре после побега от отчима, укравшего у Молли детство, – она сама умерла при родах. Ей не было еще и восемнадцати. Если бы она осталась жива, сегодня ей было бы шестьдесят пять...

Сколько раз с тех пор, как я узнала о ее смерти, мне приходилось задумываться о том, могла ли я спасти ее! Сколько раз я чувствовала, что, среди прочих измен, именно моя измена стала для нее роковой! И все эти секреты, которые я таила даже от своей матери, мое вынужденное участие во всех выходках Молли... Правда, ничего предосудительного в поведении Молли и в ее страсти к флирту я тогда не видела.

Собственно говоря, я жила ими; я не знала, что они просто прикрывали ее нежелание что-либо делать.

Я и предположить не могла, что судьба Молли изменит мою собственную.

Сейчас я уже пожилая женщина. Но после всех прожитых лет Молли по-прежнему преследует меня. Когда я закрываю глаза по ночам, ее образ встает передо мной, и я вижу ее такой, какой она была в детстве – сияющие глаза, водопад волос, стремящихся вырваться из аккуратных кос и ласкающих ее влажный лоб, затылок и шею. Она как живая: в зеленых ботиночках, рубашка без рукавов соскальзывает с одного плеча, руки чуть протянуты вперед, одна обнаженная нога чуть выставлена вперед. Молли остановилась перед лужей – вода, преодолев узкие протоки между рядами кукурузы, натекла на грязную дорогу. Головка ее откинута назад, она смеется, и мне хочется дотронуться до нее, снова почувствовать тепло и влагу ее кожи.

Потом лицо Молли меняется. Щеки ее становятся впалыми и бледнеют, выступивший на висках пот свидетельствует о том, что она трудилась – долго и упорно. Рот ее остается приоткрытым, дыхание тяжелеет. Перед тем как уснуть, я еще успеваю увидеть, как ее глаза начинают шарить по пустым стенам комнаты, а потом опускаются на что-то тихое и неподвижное, что она прижимает к груди.

Утром, когда я выглядываю в окно, Молли появляется вновь, она бежит босиком по влажной траве. Ее плечи и ли-

цо обращены на восток, она летит в прозрачном потоке, льющемся по равнинам, руки ее рвутся в небо, пальцы дрожат в солнечном свете; наконец она вскидывает одну ногу – и взмывает в золотистом сиянии, уносящем ее ввысь.

Я не могу вернуть Молли, не могу изменить и свою жизнь. Но я могу рассказать о ней – и о себе тоже. Может быть, если я вам расскажу все, что я знала о ней с самого детства, а также все то, что мне удалось узнать из ее дневников и писем, которые она оставила мне, вы увидите ее такой же, какой вижу я – хрупкое обещание, которое кажется очень даже выполнимым, но на самом деле иллюзорно, как стремящиеся на свободу волосы из ее кос, как смех, растворяющийся в ветре.

Элизабет Энн Тюрмонт, 14 февраля 2000 года, Чарльстон, штат Иллинойс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Как же возраст меняет взгляды! Я имею в виду вовсе не взгляд поверх очков для чтения, к помощи которых мне давно уже приходится прибегать, а тот свет, который освещает сегодня мои дни – это и бронзовый оттенок пшеницы, и яркая голубизна неба, сияющая и как бы подсвечивающая сам воздух до тех пор, пока я не преисполнюсь довольства и приятного ожидания. Молодые живут в уверенности, что аромат жизни заключен в них самих, а все остальное – то, что их окружает, – лишь шелуха. Я знаю, я когда-то тоже была молодой.

Взрослеть мне выпало в сороковые годы, и все вокруг казалось мягким и ласковым. Чарльстон был похож на все остальные городки среднего запада. Вязы и дубы бросали тень на спящие летние улицы; тишину нарушали только детские выкрики, звонки велосипедных колокольчиков – динь-динь! – и хлопки скакалок на боковых аллейках. Даже центр города, несмотря на веселый фонтанчик и театр Уилла Роджерса, нельзя было назвать приятным местом. Я любила заходить в офис моего отца-адвоката на Шестой улице, смотреть на полки, забитые книгами с золотистыми корешками, на крутящееся кожаное кресло отца, но я всегда ужасно скучала, когда приходилось заходить к бакалейщику или в магазин готового платья и ждать там, переступая с одной ною-

щей от усталости ноги на другую, пока моя мать выбирала мясо в «Пигги-Вигги» или воскресную шляпку с розами в магазине «Дресс уэлл» рядом с аптекой Вульфа.

Казалось, сама земля просит чего-то большего. Летом цикады тонули в листве, а листва, казалось, молила влажными зелеными губами об освобождении. Иной раз небо вдруг начинало хмуриться, покрывалось тяжелыми облаками, воздух искрился и трещал, а потом молния раздирала небеса на отдельные кусочки; стеной падал дождь, безудержный и упругий, губя пшеницу, кукурузу и сою, заглушая все, кроме грома – раскатистого, звонкого.

Зимой, когда солнце поднималось поздно и медленно, снег покрывал поля одеялом тишины, по улицам начинали гулять ветры – они пели холодные гимны, которые питали мою печаль.

Но было и еще кое-что. Боль Великой Депрессии и тень Гитлера опустились на город и его жителей – тогда мне казалось, что это одно и то же, – и я с ужасом думала о будущем, наполненном посещением церкви и курсов кройки и шитья, починкой одежды, глажкой, консервированием – всем тем, что заполняло жизнь многих знакомых мне женщин. Даже сплетни, которыми они обменивались, были жидкими и безвкусными, как те бульоны, которыми матери кормили нас в скудные годы, когда мы частенько сидели без мяса. Их никак нельзя было назвать питательными – они приводили к болезням и плоти, и духа.

Молли Лиддел чувствовала то же, что и я. Мы вместе жадно впитывали каждый кусочек внешнего мира: журналы, новости, радио, фильмы, – так мы залпом проглотили триумф нашего национального символа Элизабет Тейлор, победное возвращение Марлен Дитрих с линии фронта и приключение Тома Микса на диком-диком Западе. А наши собственные жизни еще раскроются, лепесток за лепестком, блестящие и яркие, где-то далеко за горизонтом – это мы твердо знали.

Но могла ли я знать, что наша затянувшаяся юность, столь яркая и так опалившая нашу жизнь, приведет к гибели Молли и к переменам во мне самой?

В пятом классе Молли и я стали придерживаться определенного ритуала. Каждый день после занятий мы шли по одному и тому же пути: из колледжа – на городскую площадь, а потом в парк; иногда – для разнообразия – наоборот. По дороге мы планировали свой побег – в Калифорнию, Париж или Нью-Йорк. На те деньги, что давали нам родители в награду за стертую с безделушек пыль, мы покупали вишневую коку или посещали кондитерскую на углу. Усердно изображая из себя старшеклассниц, мы мчались по красным плиткам тротуара на звуки оркестра Томми Дорси; мы были уверены, что, если удастся вертеться на одной ножке достаточно быстро, то мы, как Элли, попадем в Изумрудный город и уже никогда не вернемся в Канзас.

Правда, я никогда не мечтала о том, чтобы мы улетели по

отдельности. Танцуя, мы погружались в странное состояние, в свет, сверкавший ярче солнечного. Пол под нами вибрировал, и мне казалось, что я чувствую молекулы кислорода и углекислоты, которые соединяются между собой, когда мы заставляем их соприкасаться.

Потом, облокотившись на прилавок, мы запихивали себе в рот целые горы шоколадок и тающего мороженого. Мальчишки возле киосков пожирали Молли глазами и подталкивали друг друга локтями. Уже тогда она словно наполняла сладкий воздух вокруг себя электричеством; ее коротенькая юбочка так и плескалась вокруг бедер, когда она крутилась на своем стульчике.

Молли знала, что мальчишки смотрят на нее. Скрестив ноги, она наклонялась ко мне – ее дыхание обманчиво пахло черешней. «Как он тебе? – спрашивала она. – Пригласить его потанцевать?» И она кивала – так, что мальчик, о котором она спрашивала, догадывался, что речь идет о нем. Потом, все еще возбужденная нашим последним танцем, она соскальзывала со стульчика, подходила к молодому человеку и касалась его плеча.

– У тебя есть четвертак? – спрашивала она.

Ему обычно бывало примерно шестнадцать, он был высоким блондином с адамовым яблоком, которое двигалось вверх и вниз. Он доставал из кармана джинсов мелочь и вел ее к музыкальному ящику; Молли становилась на цыпочки, рассматривая список песен и все время водя ступней одной

ноги по лодыжке другой. Потом она указывала на несколько номеров, и он вел ее на танцплощадку.

Я наблюдала со своего стульчика, постукивая башмаками в такт мелодии; парень крутил Молли так и этак, его руки оказывались то у нее на спине, то на бедрах, то на талии, то под мышками; он крутил ее по комнате и подбрасывал в воздух. Однажды он подбросил ее так, что она оказалась стоящей у него на плечах, прямо под оловянным потолком; Молли изогнула спину, ее пальцы вытянулись прямо к небу – фантастическое видение, туман и свет... Почувствовав, что все затаили дыхание, Молли прыгнула вперед, в манящий воздух. Парень вытянул руки и поймал ее. Она широко взмахнула ногами, ухитрившись на минуту изогнуться в его руках, прежде чем спрыгнуть на пол.

Я отодвинула остатки мороженого. Молли моя половина. Вряд ли я понимала, наблюдая за ней, как мне хочется быть на ее месте, но я чувствовала грубые руки парня на своей спине, на своей талии, они обхватывали мои ноги – или же мне хотелось самой превратиться в этого парня, чтобы именно я поднимала Молли себе на плечи и ловила ее в свои объятия. Может быть, я чувствовала: предо мной именно то, что впоследствии отнимет ее у меня, разлучит нас навеки.

Музыка смолкла. Парень поднес руку Молли к губам. Она присела в реверансе, кивнула мне и побежала обратно к своему стульчику, где мистер Палмер, хозяин магазина, все аплодировал и аплодировал ей. С глубоким поклоном он под-

нес Молли коробочку своего фирменного шоколада – замороженное ореховое масло.

– Прошу, – сказала она, шаря в коробочке своими сладкими пальчиками и протягивая мне кусочек. – Остальное съедим сегодня вечером. – И она запихала в рот большой кусок.

Я осторожно надкусила свой, подождала, пока сладко-соленая крошка растает на языке, как обещание. Парень ничего не значил для Молли. Она любила меня, меня, готовую провести всю ночь, шепчась с нею под розовым одеялом. Мой мир, пошатнувшийся было, теперь снова стал надежным.

Сначала я не могла поверить, что Молли выбрала меня своей лучшей подругой. Это произошло не постепенно, а внезапно – собственно говоря, это произошло в первый же день учебы в первом классе, когда мы сидели за партой, распаковывая свои завтраки. Молли перегнулась через проход и положила руку мне на плечо.

Я подпрыгнула и отшатнулась. В то утро, притворяясь, что читаю, я наблюдала за ней. Непослушные волосы выбивались из ее кос. А юбочка была короче, чем у других девочек; у нее была особенная, как бы не осознающая себя улыбка, а страницы учебника она переворачивала так, словно каждое движение каждого ее пальца предназначалось для глаз широкой публики. Ее искусственная отстраненность и притягивала, и отталкивала меня.

– Меняю яблоко на твои пирожные с ореховым маслом, – сказала она, протягивая мне яблоко, как карнавальный приз.

Это было странное предложение: какой же ребенок согласится обменять пирожное на яблоко? Но Молли держалась так уверенно, ее подбородок был вздернут так вызывающе и победно, что я вдруг поймала себя на том, что протягиваю ей пирожное с ореховым маслом – и не простое, а особенное, потому что мама испекла его специально для моего первого школьного завтрака.

– Хочешь прийти ко мне в гости после школы? – спросила Молли. Рот ее был набит моим пирожным; она облизывала пальцы с таким видом, что было ясно: она довольна и им, и собой. – У меня есть одно секретное местечко, я его тебе покажу.

– Хорошо, – ответила я. – Но мне надо спросить у мамы.

День уже не казался мне таким ужасным, как утром, когда я сидела за грубой деревянной партой и таращилась на молодую серьезную учительницу, мисс Хамильтон, которая раздавала нам учебники. Тяжелый запах мела щекотал мне ноздри, и я чихнула; множество незнакомых лиц немедленно повернулось в мою сторону и уставилось на меня.

– Будь здорова, – сказала мисс Хамильтон.

Я опустила глаза, молясь, чтобы щеки не слишком пылали.

– Извините, – ответила я.

Теперь же пережитый утром стыд стал забываться. У меня

появился друг, и это было чудесно.

И я пошла к Молли, радуясь, что она пригласила меня, а не других девочек, чьи косы были безупречны, руки чисто вымыты, улыбки сдержанны. Была теплая осень, на заднем дворе ее дома мы играли в грязи под зарослями акации.

– Сейчас покажу тебе кое-что, – сообщила Молли в темно-зеленом свете и присела на корточки. Она принялась копать мягкую глину острой маленькой лопаткой и скоро вытащила зеленую металлическую коробочку. Смахнув с нее грязь, она протянула коробочку мне. Я неуверенно взяла ее.

– Открой, – приказала Молли.

Я открыла. Не знаю, что я ожидала увидеть – украденные сокровища, ухо пирата, отрезанную голову, – но в коробочке оказались только три гладких серых камня. Я подняла брови и посмотрела на Молли.

– Вытащи их, – сказала она, наклоняясь вперед. – Посмотри на них поближе.

На поверхности камней угадывались очертания странных треухих созданий, напоминавших скорпионов.

– Трилобиты, – поведала Молли. – Им пятьсот миллионов лет. Мне их подарил папа. Он ученый.

– А почему ты не держишь их у себя в комнате? – Я пробежалась пальцами по поверхности камней. Мне никогда не приходилось держать в руках ничего столь древнего.

– М-м-м, – промычала Молли, словно это и было нужное объяснение. И поскольку я продолжала вопросительно смот-

реть на нее, добавила: – Она не любит, когда в доме находятся папины научные экспонаты. Она говорит, что это заставляет ее чувствовать себя так, словно она живет среди мертвецов.

– Но ведь это только камни, – возразила я.

– Может быть, ты сможешь сходить со мной в папину лабораторию, – Молли взяла меня за руку. – У него там целая стена заставлена банками с маринованными лягушками и мозгами, даже настоящий скелет есть, его зовут Дем Боунс.

– А мой папа адвокат, – сказала я. – В его офис мы тоже можем как-нибудь пойти. У него там полно книг, прямо до потолка, есть специальная лестница – на нее приходится вставать, если нужно достать книжку с самого верха. У этой лестницы есть колесики.

– А твоя мама? – спросила Молли. – Как ты думаешь, она напечет нам еще пирожных? Моя мама готовит только закуски, – и она сморщила нос.

– Конечно, – отвечала я. – Она даже позволит нам помочь ей. Ты даже сможешь полизать немного теста. – Оказалось, что у меня было что-то, чего Молли хочется, и я спешила этим воспользоваться. – А еще у мамы есть темная комната, и мы можем помочь ей проявлять фотографии.

С этого дня мы стали неразлучны. Даже дождливые дни, которые мы проводили взаперти в моей или ее комнате, были восхитительны. Дождь поливал оконные рамы, делая мир ненадежным и расплывчатым снаружи. Дуб и вяз, словно на-

рисованные акварелью, сливались с мокрой землей, а украшения на викторианских домах на противоположной стороне улицы растворялись, точно коричневый сахар, во влажном воздухе.

Скинув туфли, Молли и я сидели на кровати, в тепле и сухости, опершись спинами на прохладную стену. Часто мы рисовали. Однажды Молли нарисовала лошадь с крыльями и сделала внизу надпись неуклюжими печатными буквами: «Вы когда-нибудь видели летающую лошадь?» На другой картинке, где была изображена гуляющая парочка, я написала: «Или веселую прогулку?» А на картинке, где красовалась коричневая корова с влажными темными глазами и огромным розовым языком, появилась надпись: «А если вас лизнет корова?»

На День Благодарения мы делали поздравительные открытки с названием нашей собственной компании «Хэнд Мэйд» на обороте и дарили их друг другу. У меня до сих пор есть подаренная мне Молли открытка: зеленая бумага вырезана в форме ели, надпись гласит: «Я поймала это Рождество для тебя!» И внизу приклеено несколько настоящих сосновых иголок.

Однажды мы играли в моей комнате, удобно расположившись на плетеном ковре на полу, когда вошла моя мать.

– Девочки, Молли придется у нас переночевать. У Майкла пневмония, Молли. Твоим родителям пришлось срочно везти его в больницу. – Она опустилась на колени на ковер

и обняла Молли. – Не волнуйся, малышка, он поправится.

Но Майкл, братишка Молли, не поправился. Вот уж действительно, ничего и никогда не повторяется.

Была суббота. На следующее утро мы проснулись от завываний ветра; стремительно падал тяжелый снег, мир стал белым и покрылся вуалью. Родители Молли все еще были в больнице с Майклом. Чарльстон словно парализовало. Молли не могла отправиться к родителям, мы не могли пойти в церковь.

– Миссис Тюрмонт, – сказала Молли, – но мы же должны послушать службу! – Ее серо-зеленые глаза умоляли, выдавая отчаяние.

Через час мы сидели на высоких стульчиках в столовой, где устроили что-то вроде алтаря. Мама раздала нам рукописные листки с текстом службы и запела, открывая службу гимном. Я зажгла свечу у «алтаря» – с той стороны, где сидела мама.

Молли стояла во главе стола и выглядела очень торжественно в длинном одеянии – одной из белых рубашек моего отца, застегнутой на спине, – и с красным атласным бантом на шее. Точно так же она была одета, когда пела в хоре во время воскресных служб.

Сложив руки перед собой, Молли кивнула мне и начала читать Двадцать третий псалом, который мы обе знали наизусть. Когда псалом уже шел к концу, Молли подхватила:

«И доброта и благословение будут со мной в каждый день жизни моей, и я буду жить в доме Господнем вечно».

Молли склонила голову.

– Давайте помолимся, – сказала она и повела нас за собой. Мама запела «Солдаты на кресте», и, пока мы пели, отец принес тарелку, в которую мы все бросали пенни и другую мелочь на нужды миссии.

Для проповеди Молли выбрала близкую ей тему. Миссис Лиддел часто ругала ее за то, что она слишком долго возится с завтраком – это приводило лишь к тому, что Молли начинала двигаться еще медленнее. В результате Молли частенько приходила в школу к середине первого урока; в День Благодарения директор предупредил миссис Лиддел, что больше не станет терпеть бесконечные опоздания Молли – еще один раз, и ее отправят домой. Именно поэтому Молли и назвала свою проповедь «Вы когда-нибудь опаздываете?» Она обрушилась на необходимость жить по часам и предупреждала нас, свою паству, что «надо наслаждаться каждым кусочком поджаренного хлеба, каждым глотком кленового сиропа, как если бы они были последними».

В качестве заключительного гимна Молли выбрала «Все прекрасно, все сияет», и, когда мы пели сложив руки, я подумала о том, что нет никого храбрее, умнее и прекраснее Молли.

Весь следующий день Майкл по-прежнему оставался в

больнице, а миссис Лиддел не отходила от него. Доктор Лиддел пригласил нас после школы в свою лабораторию.

Отец Молли был профессором биологии в колледже. Для Чарльстона он был загадкой, и не столько из-за своей сдержанной интеллигентности и преданности науке, сколько из-за любви к одиночеству: он проводил долгие часы в лаборатории и часто гулял один поздно ночью по опустевшим улицам.

Хотя ему уже перевалило за пятьдесят, и он был намного старше своей жены, он очень любил ее. Он называл ее «моя любовь», «моя умница Китти». Но все же было ясно, что гораздо раскованней он чувствует себя среди банок с лягушками и подопытных свинок. Когда они брали нас на пикник на расположенную неподалеку ферму Линкольна, он всегда сразу исчезал со своим сачком для бабочек.

– Китти, – говорил он, вернувшись назад, – посмотри, дорогая. Посмотрите, девочки. Разве она не красавица? Молли, ты знаешь, что это за бабочка? – И он опускался на колени, счастливый, как мальчишка.

Миссис Лиддел только вздыхала и откидывалась назад на одеяло, а мы с Молли помогали ему идентифицировать находку.

Я любила ходить к нему в лабораторию.

В тот понедельник он показывал нам, как наскрести немножечко кожного покрова из-под наших щечек и поместить на предметное стекло, чтобы изучать под микроско-

пом. Мы широко открыли рты, задержали дыхание, а он чистым скальпелем осторожно извлек какую-то твердую субстанцию, которую и размазал на стеклышке. Холодный металл скальпеля звякнул о стекло; мы схватили друг друга за руки, чтобы не рассмеяться.

– Клетки кожи щек называются СКВОМОЗ ЭПИТЕЛИЙ, девочки, – сообщил он и кивнул на микроскоп, в который положил стеклышки.

Я приложилась глазом к трубке и задержала дыхание, чтобы стекло не запотело. Увеличившиеся клетки танцевали перед моими глазами, словно в калейдоскопе.

Потом доктор Лиддел позволил нам посмотреть Дема Боунса, показывая различные части скелета.

– Помнишь вот эту, Молли? – спрашивал он.

– Хумерус, – крикнула Молли.

– А ты, Бетси? Что это? – доктор показал на верхнюю кость ноги. Но я была слишком застенчива, чтобы ответить.

– ФЕМУР, – помогла мне Молли, толкая меня локтем.

Когда урок закончился, мы по проходу откатили скелет к его постоянному месту в лаборатории.

Молли начала танцевать со скелетом, клала его «руки» себе на плечи и, иной раз задевая столы, двигала «ноги». Доктор Лиддел заметил только:

– Молли, не забывай, сколько лет мистеру Боунсу. Осторожнее с ним.

Молли послушалась и осторожно дотащила скелет до его

места, а потом обняла отца за талию и подняла к нему лицо.

– Папа, – сказала она, – я бы никогда не причинила вреда мистеру Боунсу.

Он погладил ее по голове.

– Конечно, нет, Молли, – сказал он. – Иногда мы и сами не осознаем, какую боль причиняем тем, кого любим. – И он посмотрел в окно, по-прежнему гладя Молли по волосам и крепко прижимая ее к себе.

Через два дня Майкл умер. Миссис Лиддел была неутешна.

Она наняла экономку, которая должна была готовить, убирать и ухаживать за Молли. Мисс Фрейзер, весьма странная особа, страдала запорами и имела привычку вешать свою клизму на головку душа в ванной. Она постоянно ела сливы и на шестой день рождения Молли, совпадавший с Днем Святого Валентина, приготовила сливовый торт. Меня пригласили на праздник, и мы сидели в гостиной – только мы двое да ее родители, – глотая суховатый торт и глядя на огромный, написанный маслом портрет Майкла, висевший над камином. Майкл был изображен в платьице, в котором его крестили; в каком бы месте комнаты вы ни находились, он смотрел прямо на вас печальными, почти лишенными выражения глазами.

– Святой Майкл, – шепнула мне Молли.

К лету миссис Лиддел уже настолько оправилась от смер-

ти Майкла, что смогла снова заниматься домашними делами и стала часто приглашать меня провести вторую половину дня в их доме. Медовый месяц миссис Лиддел и доктора Лиддела прошел в Барселоне; мне нравилось смотреть на яркие керамические горшки и миниатюры маслом, изображавшие тореадоров и быков – их в доме было полно, и они постепенно покрывались пылью. Когда миссис Лиддел ставила пластинку с музыкой фламенко, Молли и я, готовые немедленно пуститься в пляс, вскакивали и хватали кастаньеты, которые она нам протягивала.

Частенько она брала нас с собой в кино. Я любила эти выходы, полные особой близости и тепла. Мистер Паркер, владелец кинотеатра, всегда сам провожал нас к нашим местам и брал пальто миссис Лиддел, а потом возвращал ей его с глубоким поклоном.

Однажды вечером, когда мистер Лиддел работал допоздна, она взяла нас на «Как зелена была моя аллея». Потом мистер Паркер проводил нас домой. Ночь была сырая, и миссис Лиддел несла свитер на сгибе руки. Она была в открытом платье в горошек, которое обтягивало ее грудь и собиралось под ней, вокруг тонкой талии. Кожа ее была матовой, розовой от внутреннего жара, слабо пахла жасмином. Она пропустила нас с Молли вперед, а сама крепко держала своего спутника за локоть.

Когда мы подошли к дому, мистер Паркер провел нас по центральной аллее.

– Честное слово, – сказала миссис Лиддел, – вы самый настоящий джентльмен. Я у вас в долгу. Доктор Лиддел, знаете ли, часто задерживается в своей лаборатории. Мы вам так благодарны, что вы проводили нас до дому, правда, девочки?

Молли и я были все еще под впечатлением от картины и как раз рассматривали возможность стать уэльскими шахтерами. От перспективы постоянной работы под землей наши лица, казалось нам, уже стали черными от угольной пыли, и мы витали очень далеко от Чарльстона и мистера Паркера, который, к тому же, откашливался гораздо чаще, чем это было необходимо. Однако на меня все же произвело впечатление, как плясало платье миссис Лиддел вокруг ее ног, когда она повернулась, чтобы попрощаться.

Уже позже, когда я лежала в своей постели, мне вдруг показалось, что в комнату проникло окружавшее миссис Лиддел облако жасмина.

С того дня мистер Паркер всегда провожал нас из кино до самого дома. И несмотря на то, что скандал уже подбирался к миссис Лиддел, я мечтала, чтобы моя собственная мать была больше похожа на нее, стала бы более экстравагантной и привлекательной. Женщины в нашей семье тоже становились иногда материалом для легенд, но для легенд совсем иного рода.

Муж моей прабабушки Макрэкен был совершенно сражен, когда торнадо уничтожил прекрасный урожай кукуру-

зы. Однако Эстер Макрэкен купила новую упряжку мулов и посадила две сотни акров зимней пшеницы. Следующим летом, нарядившись в коричневую юбку и высокие зашнурованные ботинки, она сама работала в поле. Она не только тянула плуг и скирдовала вилами сено – она сколотила капитал, который позволил трем ее дочерям получить образование, а мою мать отправить в Университет в Чикаго, где она выучилась искусству фотографии. Гораздо позже ее деньги открыли и мне дорогу в Гарвардскую юридическую высшую школу.

Женщины рода Макрэкен сильные и крупные. Я унаследовала их ширококостность, большие руки и склонность набирать вес. Вкусные, обычно приготовленные дома сласти всегда были их коньком, и они не раз получали призы на деревенских ярмарках. Относились к ним с уважением – и в женском клубе «Грэнд», и в Первой баптистской церкви, и в Чарльстонском народном банке. Женская разборчивость сочеталась в них со страстной преданностью церкви и обществу, которая заставляла порой отцов города вести себя менее эксцентрично. В 1910 году прабабушка промаршировала весь путь бастующего профсоюза рабочих, изготавливающих женскую верхнюю одежду. Она собственноручно вышила цитату из Элизабет Кэди Стэнтон и повесила ее над своим столом:

> «Разговоры о необходимости защищать женщин от жестоких жизненных штормов – чистая насмешка,

потому что женщины сами неустанно сражаются за себя повсюду».

Даже когда ее внук, Эдит Макрэкен Кеклер, покончил с собой, она продала ферму и нашла работу преподавателя французского языка в Высшем колледже учителей, где потом стала директором. (Прежде чем выйти замуж за моего прадедушку, она провела целое лето в Сорбонне, в Париже.)

Моя мать унаследовала не только деньги Макрэкенов, но и их дух. До моего рождения у нее было три выкидыша, но я узнала об этом, только когда она умерла. Думаю, что злая судьба в такой же мере, как и женская солидарность, была ответственна за ее отношение к сестре по вере, Кэтрин Лиддел. Мать не стала избегать ее после того, как другие женщины начали вычеркивать Кэтрин из списков гостей.

Когда мы с Молли закончили второй класс, моя мать однажды сказала:

– Что хорошего может сделать для женщины Голливуд, если она не способна справиться даже с собственным ребенком?

Мы сидели в темной комнате: моя мать вынула из кюветы только что проявленную фотографию. В этот день Молли отправили из школы домой за то, что она намазала губы помадой.

– Не забывай, Элизабет, – предупреждала моя мать, перекладывая отпечаток в другую кювету, – тщеславие привело к беде многих женщин.

Но я ей не поверила. Больше, чем когда-либо, мне хотелось быть такой же храброй и красивой, как Молли.

Увы, скоро возможность показать свою храбрость представилась всей стране. Японцы сбросили бомбы на Жемчужную гавань – и наша жизнь изменилась. Молодые люди толпами покидали Чарльстон с твердым намерением победить врага в Европе и на Тихом океане.

Я помогала матери скатывать бинты для Красного Креста; мы очень гордились золотыми полосками на маминой форме – свидетельством того, что она провела на службе долгие часы. Бинты она скатывала гораздо быстрее, чем кошка может размотать клубок шерсти.

Миссис Лиддел носила свой патриотизм гордо, словно норковую шубку. Она гордилась тем, сколько тратит в бакалейной лавке; одной из первых она пожертвовала свои чулки на нужды войны.

Ни мой отец, ни отец Молли не участвовали в войне. Доктор Лиддел был слишком стар, а его работа – слишком нужна колледжу; у моего отца было слабое зрение. Однако оба в поте лица трудились на «домашнем фронте», то есть в тылу.

Я была очень взволнована, когда мой папа сменил свой строгий темный костюм и галстук на форму и рабочий халат капитана Комитета садовников. Он даже сам вскопал сад на маленькой бельгийской лошадке по имени Бадди, которую одолжил у одного фермера. В конце каждого ряда он оста-

навливался, чтобы перевести дух и вытереть пот со лба. Иногда он даже передавал вожжи мне и покрикивал на Бадди.

Доктор Лиддел примкнул к отряду милиции – ополчению, «солдаты» которого пытались вычислить планы врага, наблюдая за ним с башни, высившейся на окраине города.

Летом 1942 года, кода учеба в школе закончилась, он взял Молли и меня с собой на башню. Его смена выпала на время от четырех до шести утра – и он разбудил нас, протягивая через холодную темноту кружки с горячим какао. Когда наступала ночь, Чарльстон погружался в кромешную тьму: люди зашторивали окна одеялами, фонари на улицах не горели, так что доктору Лидделу пришлось две мили вести машину с погашенными фарами, пробираясь сквозь темноту со скоростью, не превышавшей десять миль в час. Мы с Молли сидели на заднем сиденье, вцепившись в бинокли, и любой блик казался нам тенью японского бомбардировщика, вроде того, что сбросил бомбы на Жемчужную гавань, или немецким самолетом, расстрелявшим американских пилотов в Европе. Холодный ветер зловеще крался вокруг автомобиля, и нам все время мерещилось что-то огромное и страшное, и казалось, что какие-то люди ходят по черному городу, чтобы занять свои ночные посты.

Однако когда мы добрались до башни, глаза наши уже привыкли к темноте. Ветер дул по ногам, пока мы взбирались по деревянным ступенькам. Молли перепрыгивала через две ступеньки сразу, я же шла солидно, держась за же-

лезные перила, которые будто покусывали меня за руки. Мы добрались до платформы наверху, уселись на одеяло и, прислонившись спинами к перилам, таращились в ночное небо до тех пор, пока глаза не стало жечь.

Никаких самолетов не было видно, зато звезды густо усеяли небо. Млечный Путь победно шествовал по небесам.

– Смотрите, девочки, в пять часов здесь видна Большая Медведица, – сказал доктор Лиддел, показывая нам созвездие.

Мы смотрели на звезды, а он рассказывал нам о метеорах, которые мчатся по просторам космоса с немыслимой скоростью и с такой свирепой силой, что сгорают, прижавшись к атмосфере Земли. Мы сидели по обе стороны от него, прислонившись к грубой шерсти его пальто; наши ноги были укрыты вторым одеялом, царапавшим кожу.

Ночь по-прежнему царила над нами, и он рассказывал о войне, о капеллане «Нового Орлеана», который советовал солдатам в то ужасное воскресенье в Жемчужной гавани «возблагодарить Господа и сдать оружие». О матросах в Тихом океане, которые неделями обходились без горячей пищи, сражаясь не только с врагом, но и с изнуряющей жарой, тучами насекомых и малярией – она обрушивается на тело, словно адский огонь; о том, как гнили у них пальцы ног и ступни. О женщинах, которые повязывали волосы платком, натягивали джинсы, футболки и грубые тканые перчатки и, с ужасом косясь на ацетиленовые горелки в заводских цехах,

делали оружие и военные корабли, чтобы помочь американским военным победить немцев и японцев.

Когда мы начали дрожать, доктор Лиддел достал серебристый термос и налил нам горячего кофе с молоком и сахаром. Мы откинули головы назад, позволяя горячей, сладкой жидкости медленно пройти по пищеводу. Моя мать дала нам с собой своих знаменитых бисквитов, завернутых в бело-синие салфетки, и мы набили ими рты, по-прежнему глядя в небо. Мы подталкивали друг друга, чтобы не заснуть, – мы не могли подвести свою страну.

Так мы и сидели в тишине, ожидая, пока чернота вокруг нас начнет сменяться синевой, а потом розовым и оранжевым. Прежде чем солнце поднялось над горизонтом, птицы начали на деревьях под нами свой концерт – сначала кардиналы, потом корольки; они распевали свои утренние гимны, не ведая об опасности, которой все мы подвергались.

В конце своего дежурства мы склонили головы в молитве благодарности и восхваления Господа. Господь был на нашей стороне, он и впредь станет защищать нас.

Мы проголодались, но доктор Лиддел задержался, чтобы поговорить с мистером Куком, который заступал на вахту с шести до восьми. Мы с Молли принялись дергать ногами в разные стороны, крепко держась за перила. В животиках у нас словно что-то громыхало, как бывает, когда бежит стадо коров. Но доктор Лиддел ничего не замечал, по-прежнему увлеченный разговором о перспективах весеннего уро-

жая пшеницы.

С тех пор мы все время ходили с доктором Лидделом на ночную вахту, пока в сентябре не начались занятия в школе. Даже перспектива остаться без завтрака не страшила нас, мы никогда не отказывались от его приглашения. Мы любили бодрствовать рано утром, молились о том, чтобы первыми заметить яркие вспышки на вражеских самолетах и живо представляли себе, как Президент и миссис Рузвельт наградят нас медалями в Белом доме. Но ни один вражеский самолет так и не появился.

И все-таки нам перепало немного славы: вместе с доктором Лидделом мы появились на фото в местной газете под заголовком «Профессор приближает победу». Наши имена тоже были указаны: «Молли Лиддел и Элизабет Тюрмонт помогают отцу Молли, доктору Ховарду Лидделу, охранять спокойствие небес в Чарльстоне». Я прикрепила вырезку из газеты к странице альбома для рисования, где хранила прядку своих детских волосиков и статью об аресте прабабушки Макрэкен за попытку придушить пьяного во время марша протеста.

Доктор Лиддел умер от сердечного приступа в понедельник, 2 октября 1944 года. Молли всю ночь проплакала в объятиях моей мамы. Она не спала и не ела.

На похоронах Кэтрин была одета в черный шерстяной костюм и черную шляпу с вуалью. Она слегка касалась глаз

крохотным белоснежным платочком, голос ее дрожал, когда она пела последний гимн. Молли бесстрастно стояла рядом, беззвучно повторяя за ней слова гимна. Выходя из церкви, миссис Лиддел споткнулась и уцепилась за спинку оказавшейся рядом скамьи. Мой отец вскочил со своего места, подхватил ее под локоть и повел, рыдающую, по ряду. Молли плелась сзади, не сводя глаз со своих черных джинсов, тех самых, которые она так давно просила маму ей купить, – сейчас они хлопали вокруг ее ног, резко выделяясь на фоне бордовой ковровой дорожки.

Через три недели миссис Лиддел пригласила нас в свою спальню, где мы ждали ее, пока она собиралась в кино. Когда она наклонилась к зеркалу, чтобы накрасить губы, я заметила, что свадебная фотография четы Лидделов исчезла из бюро.

Настроение миссис Лиддел, всегда непредсказуемое, становилось все более странным и тревожащим. Однажды Молли и я были в ее спальне; Молли гладила выстиранное белье, а я складывала его и вешала на плечики. На миссис Лиддел был только кружевной бюстгальтер, трусики и отлично сшитые слаксы серо-коричневого и винного цветов – все изящное, красиво скроенное, – какой контраст со скромными юбками, блузками и бельем, которые носила моя мать!

Молли гладила платье матери, то самое, в горошек, которое было на ней, когда мистер Паркер в первый раз проводил

нас из кино до самого дома.

– Интересно, когда же у нас грудь вырастет, – сказала Молли, водя утюгом по складкам.

Моя мать и я никогда не говорили о груди. Я представила себе, как Молли и ее мать разговаривают в спальне: Молли, сидя на краю материнской кровати, следит, как миссис Лиддел изгибается, чтобы застегнуть крючки на бюстгальтере, и рассказывает дочери о своей груди. У Кэтрин Лиддел была прекрасная грудь – она выглядывала из ее платья, как два апельсинчика, которые завернуты в хрустящую бумагу и только и ждут, чтобы их развернули.

– Моя мама говорит, что большая грудь заставляет терять равновесие, – сказала я, тщательно расправляя складки на носовом платке доктора Лиддела. – Она говорит, что из-за нее труднее ездить на велосипеде.

Однажды я видела женщину с большими отвисшими грудями, которая пыталась ехать на велосипеде по стоянке машин у церкви. Она была тщедушная и худенькая, и груди болтались перед ней, как пакетики, в которые моя мать клала декоративный сахар, чтобы украсить пирожные. Муж той женщины бежал следом за ней, поддерживая сзади сидение, но когда он отпустил его, она стала качаться из стороны в сторону, потеряла равновесие и упала вперед – прямо на свои тяжелые груди.

– Моя мама, – сказала Молли, которая всегда была в таких вопросах авторитетом, – говорит, что красивая грудь – это

самая прекрасная вещь, какую только может иметь женщина. Она говорит, что грудь, если она на месте, то есть впереди, – это первое, на что смотрит мужчина, когда встречает женщину. Если она обвислая, мужчина думает, что ты скучная. Если она плоская, мужчина думает, что ты мужеподобная. Но если она ловко торчит и будто говорит «привет!», он немедленно понимает, что с тобой приятно поговорить. Что ты знаешь, как надо слушать мужчину, а потом отвечать ему.

– Мне все равно, – сказала я. – Мне не нужны мужчины. Я хочу играть в баскетбол. Грудь будет мешать.

Я всегда терялась, когда Молли рассуждала подобным образом, поэтому и упрямилась, цепляясь за противоположную точку зрения, независимо от того, что думала и чувствовала на самом деле. Моя мама здорово отличалась от мамы Молли: мы с ней говорили о книгах, политике и экономии в доме.

– Ты так говоришь только потому, что у тебя, наверное, ее вовсе и не будет. Моя мама говорит, что у твоей мамы вообще нет груди – один жир. Если ты худенькая – у тебя ее не будет, а если толстая – у тебя так и будет один жир. – И Молли показала мне язык.

– Зато я расту быстрее тебя. Попробуй догони!

Я бросила носовой платок, выбежала за дверь и помчалась через холл в спальню Молли. Она бежала за мной, но я захлопнула дверь. Когда она начала стучать, миссис Лиддел позвала нас из гостиной:

– Девочки, что вы шумите, как стадо слонов? Если вы не будете вести себя как следует, я отошлю Бетси домой. – Она поднялась наверх.

– Открой дверь, – попросила Молли. – Или я пошлю тебя домой.

Я открыла дверь, когда миссис Лиддел показалась на площадке. Вот тогда мы и почувствовали запах дыма.

Миссис Лиддел кинулась в свою спальню и через секунду появилась в дверях, неся свое платье. На одной груди оно было сожжено; ткань почернела и резко пахла чем-то синтетическим. Я почувствовала, что заливаюсь краской – это была моя вина, ведь это я дразнила Молли. Но миссис Лиддел обо мне забыла; она держала платье перед собой.

– Мэри Алиса Лиддел, как ты могла? – вопросила она. Слезы бежали по ее щекам, оставляя красные дорожки на нежной коже. – Ты ревнуешь меня. Ведь так? Ты не можешь смириться с тем, что твоя мать выглядит, как кинозвезда! Ты, несчастная соплячка, ты же гордиться должна!

С каждым словом она делала шаг по направлению к дочери, и с каждым словом Молли отступала в холл, пока не оказалась у самой двери своей комнаты.

– Что ты на это скажешь? – спрашивала миссис Лиддел.

– Я не хотела, мамочка, – отвечала Молли, пытаясь отскочить еще дальше вдоль стены. – Правда, не хотела.

– Ну, хотела или нет, ты погубила мое любимое платье, – миссис Лиддел втолкнула Молли в ее комнату. Я по-преж-

нему торчала в холле и, хотя и опустила глаза, видела и слышала все.

Миссис Лиддел швырнула платье Молли в лицо.

– Как тебе понравится, если я испорчу что-нибудь твое? – прошипела она, тряся Молли за плечи. – А? Отвечай!

– Не понравится, – прошептала Молли. Миссис Лиддел открыла шкаф Молли и сняла с плечиков ее сине-белый матросский костюмчик.

– Вот, – сказала она. – Это научит тебя лучше беречь мамины вещи! – Миссис Лиддел схватила со стола ножницы, которые лежали там еще с тех пор, как мы мастерили бумажные платья для своих кукол; модели мы брали из кинофильмов и журналов.

– Нет, мамочка, пожалуйста, не надо! – закричала Молли. Она плакала.

– Это будет хорошим уроком, – отвечала ее мать. Она взяла один уголок матросского воротничка в зубы, другой – в левую руку и начала резать ткань.

– Пожалуйста, мамочка, пожалуйста, не надо! Я больше не буду! Возьми мои деньги, все, что хочешь, только, пожалуйста, не трогай матросский костюмчик! – плакала Молли.

Но миссис Лиддел разрезала воротничок пополам и сделала огромный уродливый разрез по переду блузки, прямо посередине. Она перестала плакать, но дорожки на ее щеках стали уже не красными, а пунцовыми. Она бросила матросский костюмчик на пол, вытащила из шкафа комбинезончик

изо льна и отрезала брючины. Потом она сорвала с плечиков рождественское платьице Молли из зеленой тафты и отрезала пышные рукава и огромный атласный бант, который был сзади у талии.

Молли кинулась к матери и попробовала выхватить ножницы из ее рук. Я испугалась, что миссис Лиддел сейчас ударит дочь, я читала о таких случаях в газетах; мне казалось, что я должна добраться до телефона и вызвать полицию.

– Отойди от меня! – завопила миссис Лиддел. – Отойди от меня! – Она подняла ножницы высоко над головой.

– Я ненавижу тебя! – визжала Молли. – Я ненавижу тебя!

– И я тебя ненавижу! – завыла мать. – Ты испортила мое платье! Что я такого сделала, что у меня такая дочь, как ты? Не смей выходить из своей комнаты до вечера! Подумай о том, что ты сделала! – И она вылетела из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Я пошла к Молли. Она сидела на полу, погубленные наряды лежали у нее на коленях. Это был один из тех редких случаев, когда я видела ее плачущей.

– Я убью ее, – прошептала Молли, пряча лицо в ладонях. – Я убью ее.

Внизу было тихо. Я погладила Молли по голове и уставилась на висевшие на стене плакаты с Аланом Лэддом и Вероникой Лейк. Я слышала в школе разговоры о миссис Лиддел – о том, почему мистер Паркер дал плакаты из кино только Молли и никому больше.

В первый раз с тех пор, как мы с Молли подружились, я поняла, насколько непростой была ее жизнь.

Через несколько месяцев после смерти мужа Кэтрин Лиддел начала устраивать у себя дома бесконечные вечеринки для раненых, которых отправили с фронта домой. Именно тогда я начала лгать своей матери, рассказывая о том, чем мы с Молли занимались, когда я оставалась у нее ночевать. По субботам удобный «паккард» Кэтрин останавливался перед нашим домом, и я выбегала на улицу с сумкой, где были мои необходимые для ночевки вещи и кулек с пирожными, испеченными моей матерью. Мы вдвоем грызли пирожные по дороге в бакалею, куда миссис Лиддел посылала нас купить морковь, сельдерей, огурцы, оливки – все, что она могла позволить себе при своем ограниченном бюджете. Мы подсчитывали расходы, споря о качестве горчицы и майонеза; миссис Лиддел брала рецепты блюд из женских журналов, которые она принималась просматривать, как только мы приносили покупки домой.

Днем она давала нам специальные метелки из перьев и просила стереть пыль в гостиной и столовой, пока она приготовит яйца под острым соусом, свинину под маринадом и гарнир. Мы очень боялись ее «проверок».

– Молли, ты оставила свой носок под диваном, – говорила она.

Или:

– Девочки, вы забыли про пепельницы. Я просила вас вытряхнуть пепельницы.

Или:

– Посмотрите на нитки этого ковра. Вы чистили его или любовались им? Мы же принимаем сегодня ветеранов, людей, которые сражались за нашу свободу. И это – лучшее, что вы могли для них сделать?

Она летала по комнатам, поправляя тут и там кружево, обивку, расставляя свечи на обеденном столе, украшая шелковыми цветами кофейный столик. Молли и я полировали серебро, а она накрывала на стол, расставляя хрупкие тарелки с розами по краям.

Она ставила пластинку с «Богемой» или «Мадам Баттерфляй» и, работая, пела вместе с певицей. Молли украдкой смотрела на меня и посмеивалась. Серебро словно прилипало к нашим пальцам и придавало им металлический запах, но мы продолжали эту тяжелую, нудную работу и слушали наставления миссис Лиддел. Нам казалось, что семь часов не пробьет никогда.

Кэтрин была слишком нервна и подвижна, чтобы готовить обед; она слишком заботилась о своей фигуре, чтобы нормально есть. Мы с Молли выпекали пирожные, которые присылала моя мать, выпивали по стакану молока, чистили зубы, тщательно мыли лицо и натягивали свои лучшие воскресные платья.

Потом мы шли к миссис Лиддел в ее спальню.

Любуясь собой, она, чуть морща губы, накладывала перед зеркалом помаду.

– Всегда открывайте рот, когда мажете губы, – это позволяет руке двигаться прямее, – советовала она, а мы наблюдали за ней, затаив дыхание.

Она учила нас всему ритуалу женственности – как красить ногти в красный цвет, как махать руками, пока лак сохнет, как держать сигарету, когда мужчина дает тебе прикурить.

Мы полностью погружались в интимную атмосферу ее комнаты, вдыхая запах лака и пудры, облака лазури и дыма. Растянувшись на пушистом, щекотавшем бедра ковре, мы с Молли благоговейно прикасались к жемчугу, который протягивала нам миссис Лиддел.

– У женщины никогда не бывает слишком много жемчуга, – поучала она. – Твой отец купил мне это во время нашего медового месяца в Испании. Он собирался даже сам нырять за жемчугом, но я и слышать об этом не хотела.

Она прижимала нитку к себе, глядя в потолок. Мне кажется, иногда она забывала, что мы рядом с ней. Потом Молли с хрустом откусывала яблоко, и чары рушились.

– Мэри Алиса Лиддел, разве я не говорила тебе, чтобы ты не смела есть в моей спальне? Ну-ка тише, вы обе! – она выставляла нас за порог и закрывала дверь.

Мы ждали ее появления – она выходила из своей спальни, как актриса из гримерной. Часто она вдевала в волосы, падавшие ей на плечи, шелковый цветок камелии.

Миссис Лиддел буквально расцветала на своих *soirées*[1], словно внутри нее, как лампада, зажигался свет. Однажды, когда она танцевала в Большом зале, ее спутали с Ритой Хейворт; у нее было несколько фотографий Хейворт, которые она приносила показать гостям.

– Что вы об этом думаете? – спрашивала она, откидывая голову назад и протягивая фотографии какому-нибудь солдату, которому было не больше двадцати двух – двадцати трех лет. – Могла бы я быть сестрой Риты?

– Обзат-т-тно, мадам, – отвечал тот, похлопывая себя по колену. – Рядом с вами Рита выглядит простушкой. Надо было *вас* посылать развлечь войска. Это могло очень поднять наш дух!

– Вы слишком любезны, – отвечала она, по-прежнему держа руку на его плече, – и, пожалуйста, не церемоньтесь. Называйте меня просто Кэтрин, а не мадам. В конце концов, я ведь не ваша мама.

Она разрешала мне и Молли разносить подносы с крошечными бутербродами и шампанским. Мужчины шутили с нами. Подзывали нас «эй, детка» или «сестричка», потчевали нас рассказами о темных ночах, проведенных в лисьих норах, о небе, разрываемом на части огнем, о дожде из человеческих рук и ног, который обрушивался на них после бомбовой атаки. Они рассказывали о грозных сражениях в далеких морях и землях, о воздушных боях и воздушных крепостях,

[1] Вечеринках *(фр.)*

искавших в небесах огни немецкого Люфтваффе.

Часто они были в форме и позволяли нам дотрагиваться до орденов, заслуженных ими на войне. Темная, квадратная буква «А» на зеленом фоне отмечала принадлежность к Первой армии, которая сражалась в Нормандии, освободила Париж и первой пересекла Рейн. Седьмая армия – это темно-синие треугольники с красно-золотистой эмблемой дивизиона, ворвавшегося на Сицилию и в северную Францию, а оттуда – в Рону и в Мюнхен. И самый любимый полк Молли – сто первый воздушный, «Поющие орлы»: голова орла на черном кресте с надписью «Рожденные в воздухе» на обвивающей крест ленте. «Поющие орлы» пронеслись по небесам Нормандии. Мы сидели у ног маленького пилота Билла Джонсона с печальными глазами, у которого была покалечена левая нога. На его груди сияла эмблема «Поющих орлов». Ему пришлось выброситься с парашютом из горящего самолета, и он сломал шейку бедра (мы знали из занятий с Демом Боунсом, какой толстой была эта шейка, и вздрагивали при мысли о том, каким должен быть удар, сломавший ее); перелом был такой неудачный, что врачи не смогли полностью восстановить функции ноги. Лейтенант Джонсон ходил с тростью красного дерева, увенчанной серебряной головой орла, и, хотя он всегда шутил и смеялся со всеми вместе, казалось, что он постоянно прислушивается к какой-то музыке, звучащей у него внутри. Мы гадали, что это – звуки двигателя? Или пение крыльев в те минуты, когда повре-

жденный самолет падал на землю? Иногда, выпив две или три рюмки, он падал к ногам миссис Лиддел, клал голову ей на колени и рыдал, а она гладила его по голове.

Потом она отсылала нас наверх, и мы лежали в темноте, прислушиваясь к звяканью бокалов, которыми чокались мужчины, произнося тосты за миссис Лиддел.

– Именно за вас мы и сражались, – говорили они.

Или:

– Леди, вы очень славная дамочка.

Утром миссис Лиддел просыпалась поздно и, потирая заспанные глаза и несвежее лицо, спускалась в кухню, где мы с Молли замешивали тесто для блинчиков и грели воду для кофе. Иногда она чувствовала себя слишком разбитой, чтобы идти в церковь, и мы с Молли отправлялись без нее. Я внимательно слушала службу, брала церковный бюллетень, чтобы потом рассказать о службе своей матери. Когда мы склоняли головы в молитве, я благодарила Господа за то, что семья Лиддел имела обыкновение посещать другую церковь: мать не преминула бы обратить мое *особое* внимание на отсутствие миссис Лиддел.

После смерти отца Молли стала более беззаботной. Она щеголяла шрамом на коленке – эту ранку она получила на катке. Мне казалось, что со шрамом ее нога выглядит еще красивее: шрам цвел на ней, словно орхидея.

Ни Молли, ни мне не позволялось ходить на каток, куда

никогда не ходили дети из уважаемых семей. Там собиралась слишком грубая толпа. Но это не останавливало Молли. Однажды на перемене, в ясный и прозрачный весенний день, когда мы учились в пятом классе, она прислала мне записку: *«Встречаемся на баскетбольной площадке после школы. У мамы урок испанского после обеда, и она мне дала денег, чтобы мы с тобой сходили в кино. Давай лучше пойдем кататься на коньках! Мама будет весь вечер ругать акцент сеньора Ортиса, ей даже в голову не придет спросить нас, какой фильм показывали. Договорились?»*

Позже, бросая баскетбольный мяч вверх и вниз, я попыталась протестовать:

– А что, если мы попадемся?

Моя мать уехала на несколько дней в Чикаго, где проходила выставка ее фотографий, но она, конечно, потребует полного отчета о том, чем я занималась в ее отсутствие.

– Не попадемся, – сказала Молли. Она выдула изо рта большой розовый шар жвачки, который тут же лопнул и прилип к ее носу и губам. – Пойдем же, – она оттерла жвачку с лица и снова запихала ее в рот, взяла меня за руку, и я позволила ей повести меня по улице. Катком служил пустырь возле железнодорожных путей.

Когда мы вошли, женщина, на груди которой висел пластиковый лоток, взяла наши деньги и показала на стену, где висели в ряд пары коньков. Молли выбрала красные, без задника, которые очень подходили к ее красному с белым пла-

тью; я же остановила свой выбор на паре, которая когда-то была белой, но теперь стала серо-желтой. Коньки пахли кислым молоком, но я сжала зубы и натянула их на ноги. Молли была уже готова, а я приходила в ужас от одной мысли о том, что могу остаться одна, и тогда придется самой прокладывать себе дорогу к ледяному полю.

Я умоляла ее остановиться на несколько минут у ворот. Большинство катающихся были старше нас – пятнадцати или шестнадцати лет – и ходили в школу Чарльстона для старших (дети из «лучших» семей города, вроде семьи Молли и моей, посещали Высший колледж). Из громкоговорителя неслась музыка, похожая на ту, что обычно играет на карнавалах, катающиеся скользили по льду – одни парами, другие поодиночке, но чаще всего странными группками по пять-шесть человек, – они задевали друг друга и притворно негодовали.

– Пошли, – сказала Молли, хватая меня за руку и выходя прямо на лед.

Я была высокая, неуклюжая, как часто бывает в таком возрасте, поэтому сразу же поскользнулась и упала. Но Молли заставила меня подняться и тащила за собой до тех пор, пока мы не подладились под остальных и стали не просто следовать за ними, но даже обгонять их. Я крепко сжала колени и позволяла тянуть себя. Закрыв глаза, чувствуя ее пальцы на своих запястьях и ледяной воздух на своем лице.

– Сейчас я тебя отпущу! – воскликнула Молли и подтолк-

нула меня вперед.

Я врезалась в толпу мальчиков, собравшихся на краю катка. Один из них самодовольно усмехнулся и потянул меня за руку, внимательно рассматривая.

– В чем дело, сестренка? – спросил он. – Тебе нужен мужчина, который помог бы тебе хорошенько покататься? Могу показать тебе несколько интересных штучек...

– Нет... нет, спасибо! Извинии-и-ите! – взвыла я. – Отпустите меня, пожалуйста.

От парня, схватившего меня за руку, пахло табаком и пивом. Свободной рукой он провел по своим масленым волосам и потянул рукав рубашки, демонстрируя бицепсы.

И тут к нам подкатила Молли.

– Что происходит? – спросила она, вздергивая подбородок. – Почему бы тебе не отпустить ее и не поймать кого-нибудь, кто подходит тебе по размеру?

Парень крепче сжал мою руку, запуская пальцы в плоть. Моя кожа начала пунцоветь.

– Тебя это не касается, – сказал он.

Он притянул меня ближе и обнял второй рукой. Я почувствовала что-то твердое у своей спины возле его ширинки. Он снова ухмыльнулся и, почувствовав мое смущение, сказал Молли:

– Давай, беги отсюда, это наше дело – мое и ее.

Он слегка двинул бедрами, так что я покачнулась перед ним, как тряпичная кукла. Коньки едва не соскочили с меня.

А он все поднимал меня вверх, пока мои ягодицы не оказались рядом с выпуклостью на его джинсах.

Молли посмотрела на меня, на него, опять на меня.

– Ну уж нет, – сказала она и шагнула к нам, держа руки на бедрах. – Ее дело – мое дело, и, если бы я была на твоем месте, я бы ее немедленно отпустила. Сейчас я позову менеджера, и тебя вышвырнут отсюда, не успеешь и ботинки завязать. Если, конечно, ты умеешь сам завязывать ботинки.

– Убирайся вон, – выдохнул парень и толкнул меня к Молли. – Убирайтесь обе! И держитесь подальше, малютки, не то пожалеете!

Я упала на руки Молли. Никогда она не казалась мне такой надежной.

– Нечего мне указывать! Я пойду, куда захочу, – и Молли отошла, обнимая меня, но он уже отвернулся от нас, вытащил из заднего кармана расческу и начал расчесывать свои намасленные волосы. Молли взяла меня за руку и повела к выходу.

– Вы только посмотрите на нее! – сказала она, когда я снова поскользнулась. И помчалась по льду, как сумасшедшая, крутясь в пируэтах с такой злобой и таким мастерством, что я сразу поняла: ей уже приходилось бывать на катке. Словно юркая рыбка, она металась по льду между катающимися, серебряная, блестящая, и мне хотелось стать воздухом, в котором она двигалась, раздаваться перед ней и овевать ее разгоряченное лицо.

Группа мальчишек, с которой я столкнулась, вывалилась снова на лед; они подталкивали друг друга локтями, их крики перекрывали звуки музыки. Молли вскинула руки, пролетая по льду мимо них, резко повернулась прямо перед ними и покатила назад, так что они не могли догнать ее. Оказавшись рядом с тем парнем, который угрожал мне, она остановилась у стены. Я задержала дыхание, уверенная, что вот сейчас он поймает Молли, но, едва ее руки коснулись стены, она оттолкнулась, выбросила вперед сильную мускулистую ногу и толкнула его. Он был парнем крупным и упал на жесткий лед очень тяжело.

– Ах ты сучка! – сказал он, поднимаясь на ноги. – Вот сейчас я тебе покажу!

Я крепче обхватила руками скамейку, на которой сидела. Но Молли уже унеслась на самую середину катка. Она затерялась среди других катающихся, словно бабочка, быстрая, яркая, непредсказуемая. Но в конце концов парень сумел пробраться сквозь собравшуюся в середине катка толпу и прижал Молли к стене. Он сдавил ее плечи, ударил ее по колену коньком – раз, другой, третий – и убежал. Молли погналась за ним; догнав, она врезалась в него. И он снова упал. Его приятели повалились на него, руки, ноги, коньки, шарфы смешались.

Прежде чем они успели подняться, Молли подлетела к воротам.

– Пошли отсюда, – сказал она. По ее ноге струилась кровь;

она заставила меня зайти в туалет, где мы сбросили коньки и надели свои ботинки.

Всю дорогу до дома мы бежали и упали на ступеньки уже совершено запыхавшиеся.

– Как насчет лимонада? – спросила Молли. – А потом нам лучше будет спуститься вниз, в город, и спросить у мистера Паркера, какой фильм сегодня показывали. – Она усмехнулась и дотронулась до засохшей струйки крови у себя на ноге.

Может быть, Молли лучше меня каталась на коньках и выглядела при этом милее, но зато я давала ей сто очков вперед на баскетбольной площадке. И дело не только в том, что у меня были длинные руки и вес, которых не было у нее, – у меня еще было терпение. На переменах я подолгу стояла у штрафной линии и все бросала и бросала мяч в корзину, пока бросок у меня не сделался точным и безошибочным.

Однажды, когда Бобби Бейкер перехватил у меня мяч на рикошете, Молли принялась дразнить его:

– Спорим, у нее бросок лучше, чем у тебя!

– Ну да? – Бобби повел мяч вдоль штрафной линии и оттолкнул меня в сторону. – Поспорим?

Молли скрестила руки и отошла в сторону.

Я кусала заусенец. Бобби провел мяч раз, другой и швырнул его в воздух. Он ударился в доску и отскочил. Я поймала мяч и вернула его ему; его второй, третий и четвертый брос-

ки попали точно в сетку. Следующие два оказались неудачными. Потом последовал один удачный, снова неудача и два последних – точно в обруч. Шесть из десяти.

Я вышла на линию и взяла мяч. Первый бросок был хороший, второй и третий тоже.

– Давай, давай! – кричала Молли, подпрыгивая на месте и хлопая изо всех сил в ладоши, как настоящий болельщик. – Бетти всегда лучше всех!

Я снова взяла мяч, его грубая кожа защекотала мои влажные ладони.

– Посмотри на нее! – сказал Бобби.

Я бросила – и промахнулась. Кровь ударила мне в голову. Это была хорошая возможность показать Молли, что я стою ее восхищения.

Следующий мяч немного постоял, дрожа, на краю корзины, прежде чем упасть наружу. А уж следующий был просто позорным – я не попала даже в доску, на которой было укреплено кольцо.

– Бет-си, Бет-си! – скандировала Молли.

Я снова стала на линию и бросила подряд оставшиеся мячи. Семь из десяти.

Молли кинулась вперед, схватила мои руки и подняла их.

– Наш чемпион по броскам, Бетси Тюрмонт, сохраняет свое высокое звание! – И показала Бобби язык.

У меня получилось!

В последующие годы мы смотрели на мальчиков уже со-

всем другими глазами. Мы учились в шестом классе, и я грелась в лучах обаяния Молли, видя, что их глаза скользят по ее косам и ногам, как пальцы слепца – жадно и благоговейно.

Я по-прежнему была влюблена в Молли, но между нами возникло какое-то напряжение. Это началось с появлением Томми Дифелиса. В свои четырнадцать лет он трижды отсидел в шестом классе, поэтому был самым старшим; все девчонки с ума по нему сходили, но он положил глаз на одну только Молли.

В тот вечер, когда состоялся футбольный матч с участием нашего колледжа, Молли взяла меня с собой на дешевые места, где сидели болевшие за Чарльстон, – мы знали, что здесь не встретим ни учителей, ни других родителей, которые могли бы все рассказать нашим мамам. Молли села на пожелтевшую траву и вытащила из потайного отделения в сумочке пачку сигарет. Я никогда не пробовала курить, но следила за ней, как зачарованная: она достала сигарету, зажала ее губами и поднесла к ней спичку. Держала она ее элегантно, между средним и указательным пальцем, и пускала клубы дыма прямо в голубое небо.

Молли предложила сигарету и мне, но я покачала головой. Она скрестила ноги, оперлась локтями о бедра; кончик ее сигареты светился в пыльном воздухе, так что стали видны золотистые волоски у нее на ноге.

– Мужчинам нравится, когда женщина курит, – сказала Молли. – Это прекрасный предлог, чтобы завязать разговор.

Ты просто вытаскиваешь пачку или портсигар и оглядываешься кругом в поисках огонька. В таких случаях они всегда дают тебе прикурить. Я специально смотрела, как мама это делает, – она покачивала ногой, ступня ее плавала в воздухе.

– Разве ты не собираешься смотреть игру? – спросила я. Я наклонилась вперед, к полю, уперлась руками в колени. Мне было холодно.

– Игру! – фыркнула Молли. – Мы вовсе не из-за игры сюда пришли. Подожди немного. – Она глубоко затянулась и закрыла глаза, совершенно удовлетворенная. С того момента, как Молли зажгла сигарету, она ни разу не кашлянула, и я поняла, что она курила и прежде.

Когда обе команды вышли на поле и промаршировали под заливавшими стадион яркими огнями, сверкая белыми бутсами и стараясь попасть в такт барабанной музыки из «Поднять якоря!», появился Томми Дифелис, во фланелевой рубашке на молнии и джинсах с закатанными штанинами, и неторопливо направился к нам.

– Так-так-так, – сказал он, садясь прямо перед Молли. – Значит, вы здесь!

– Я же говорила тебе, что мы придем, – громко ответила Молли, откидывая голову назад. Вокруг ее головки вился дымок.

Я ничего не знала о назначенной встрече с Томми. А он уже уселся рядом с Молли, глаза его светились удовольствием. В нем было что-то грубое и опасное.

– Для меня найдется сигаретка? – спросил он, ухмыляясь.

Молли открыла сумку, вытащила пачку «Лаки Страйк» и протянула ее ему. Он, не торопясь, взял сигарету, задержавшись пальцами на руке Молли. Из заднего кармана джинсов он вытащил зажигалку, одной рукой ловко выбил из нее пламя и тянул в себя воздух до тех пор, пока сигарета не зажглась.

– Спасибо, – сказал он, возвращая Молли пачку и снова пробегая пальцами по ее руке. – Увидимся позже.

Молли кивнула. Он ушел, но его запах, запретный, отдающий табаком, остался и окутал нас, словно мантией.

– Молли, ты что, с ума сошла? – спросила я. – Что все это значит? – Меня растревожило это зрелище: Молли и Томми вместе, головы их почти соприкасаются.

– Не волнуйся, – сказала Молли. – Мы еще позабавимся. – Ее ступня по-прежнему резко раскачивалась, вспарывая влажный ночной воздух.

Игроки вернулись на поле. Было уже трудно рассмотреть цвет их формы. И я понятия не имела, кто выигрывает.

Потом игра закончилась – Чарльстон выиграл. Понять это мне удалось лишь по тому, что трибуны вокруг меня восторженно взревели.

Молли уже была у выхода и звала меня. Слова ее были едва слышны в нарастающей волне шума.

– Надо идти домой, – сказала я, подбежав к ней.

– Если хочешь, пойдем, – ответила она.

– А если Томми что-нибудь сделает?

– То есть? Что он может сделать? Ладно тебе.

Она повернулась и направилась в толпу. Я пошла за ней. Потоки людей разъединили нас: они стремились и на поле, и к выходу.

Я знала, что пойду за Молли, потому что всегда шла за ней. И где-то глубоко внутри я знала, что хочу, чтобы что-то – что-то такое, чего я не могла объяснить, – случилось.

Она повела меня на окраину, где жгли костер. Несколько последних угольков еще светились в темноте, словно мы пришли в деревню, которая сгорела перед самым нашим приходом. Землю окутывала тишина, она подбиралась все ближе и охватывала нас. Перед нами расстилалось поле собранной кукурузы; ее коричневые стебли лежали, словно павшие солдаты.

– Давай наберем каких-нибудь веток, – сказала Молли, – надо опять разжечь этот костер. Смотри, – она указала на расплывчатые формы переплетавшихся над нами веток деревьев и на толстые бревна, которые положили на траву специально, чтобы на них можно было сидеть, – видишь? – Она опустилась на колени и попыталась возродить угольки к жизни с помощью своей сигареты.

Заметно похолодало. Мне стало трудно дышать, кровь отхлынула от щек, уши горели. Собравшись в комочек, я повернулась к ночи спиной и снова посмотрела на Молли.

Она взяла у меня ветки и начала складывать их на пепели-

ще над крохотными язычками пламени, пляшущими на мятой бумаге. Потом она уселась рядом, скрестив ноги, и вытащила из кармана жакета пакетик маршмеллоу[2].

Я протянула руки к огню.

– Не надо было сюда приходить.

Молли откинулась назад на локти и посмотрела на звезды. Созвездие Семи Сестер сияло прямо над нами.

– Когда мне будет тринадцать, – сказала она, – я убегу из дома.

– И куда же ты убежишь?

– В Голливуд, – отвечала она. – Я собираюсь стать новым символом нации.

Я расстелила свой жакет рядом с сидевшей Молли и легла на спину. Ее уверенность в себе несколько успокоила мои страхи; от тепла костра я немного расслабилась.

Наверное, я уснула. Когда же проснулась, Молли и Томми шептались по другую сторону костра. Я не слышала звука его мотоцикла. Наверное, он прошел пешком по крайней мере полмили – иначе треск мотора разбудил бы меня.

Я лежала спокойно, наблюдая за ними сквозь ресницы.

Томми оперся на один локоть, подперев голову рукой, совсем близко от колен Молли. Он что-то шептал, но я не слышала, что именно.

Молли играла кончиком своей косы, перебрасывая ее через плечо и глядя куда-то вдаль. Он перевернулся на спину.

---

[2] Разновидность зефира; при нагревании увеличивается в размерах.

И голова его оказалась на коленях у Молли. Она сидела совершенно спокойно и смотрела по сторонам, словно любуясь пейзажем. Я чувствовала себя так, словно ушла куда-то – не во времени и пространстве, а прочь от моей кожи, крови и костей.

Томми взял руку Молли и положил ее себе на джинсы.

– Ну, хватит, я проголодалась, – сказала Молли. – Давай поднимайся, Томми. Поджарим немножко маршмеллоу. – Она убрала руку с его джинсов, столкнула его голову с колен и принялась искать палку.

Казалось, Томми оцепенел.

– Ну же, – подбодрила Молли и вручила ему палку. Она проткнула маршмеллоу кончиком своей собственной палочки и поджаривала его на углях с краю костра. Мягкая, белая поверхность лакомства постепенно бронзовела, липкий сладкий запах растекался в воздухе.

Я встала, решив обдумать все попозже.

– Привет, – улыбнулась мне Молли сквозь пламя костра. – Ты проснулась как раз вовремя – начинаем развлекаться. Возьми какую-нибудь палочку. – Она бросила мне маршмеллоу, который пролетел сквозь огонь костра и упал мне на жакет. Я взяла его и принялась шарить кругом в поисках палки.

– Жарь же свой, болван, – сказала Молли Томми.

– Ну нет, – ответил он, вставая и отряхиваясь. – Мне надо кое с кем встретиться.

– Ты и не представляешь себе, что теряешь! – заявила Молли. Она сунула свой маршмеллоу в рот и сидела, облизывая по очереди пальцы.

– Мне надо идти, – повторил Томми. Он направился к мотоциклу, явно позабыв про свою важную размеренную походку. Но Молли догнала его, схватила за руку и что-то шепнула ему в ухо; он шагнул к мотоциклу и запустил мотор. Мотоцикл весь сиял и светился; Томми резко нажал на педаль, грязь брызнула из-под колес. Мы прислушивались до тех пор, пока рев двигателя не поглотила ночь.

– Он по мне с ума сходит, – заявила Молли.

Она так и не сказала мне, что шепнула Томми в ухо, а я не рассказала своей матери ни слова о том, что видела. Но что-то произошло между нами: у Молли теперь была жизнь, в которой мне не было места.

На следующие выходные она даже оставила меня одну, отправившись куда-то с Томми; мне пришлось провести время, катаясь в гондоле в компании двух симпатичных бойскаутов, чьи руки и рты были липкими от кукурузы в карамельном соусе. Когда Молли и Томми, держась за руки, вернулись с прогулки, она стала тыкать пальцем в нашу гондолу (которая раскачивалась на волнах, так что бойскауты то и дело задевали меня локтями) и дразнить гребца. Гребец так оттолкнул лодку, что она снова рванулась вперед, потом резко остановилась, и мы чуть не упали, а Молли и Томми стояли неподалеку, смеялись и курили.

После этого я перестала обращать внимание на Молли и на переменках ходила только с Салли Свонсон. Ее мама была членом общества «Дочери американской революции», и мы проходили мимо Молли, задирая носы.

– Моя мама, – сказала Салли будто бы тихо, но так, что ее все слышали, – говорит, что некоторых женщин даже нельзя назвать леди. Она говорит, что их легко отличить: они делают на платьях вульгарные вырезы и слишком густо красят губы. И, конечно, они, когда были девочками, вели себя очень плохо. Слишком интересовались мальчишками, – она разгладила свою юбку, скромно прикрывающую колени, и фыркнула в сторону Молли, на которой была льняная юбочка, едва прикрывавшая бедра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.